
II. ОРФОЭПИЯ. НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ВЕРБИЦКОЙ

УДК 811.161; 81'355

М. Л. Каленчук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

НОРМЫ ПРОИЗНОШЕНИЯ ГЛАЗАМИ ЛЕКСИКОГРАФА

Один из наиболее спорных вопросов орфоэпии — о критериях принятия кодификационных решений в случае сосуществования вариантов произношения. Для авторов словарей этот вопрос особенно важен, так как его решение предопределяет логику и процедуру перехода от произношения в звучащей речи образованных людей к кодифицированной норме. Существует два подхода, определяющих алгоритм принятия решения при переходе от произношения в живой речи к кодификационным рекомендациям, — субъективный и объективный. Субъективной оценкой фактов орфоэпической вариативности называют позицию безусловного представления о нормативности варианта, основанного на традиции, следовании авторитетным образцам и личном вкусе автора рекомендаций. Объективная оценка орфоэпических вариантов может быть только результатом представительных социолингвистических исследований узуса, которые на материале русского языка были начаты в 60-е гг. XX столетия под руководством М. В. Панова. Определение методологии неразрывно связано с вопросом о выборе критериев для рекомендации одного из сосуществующих вариантов произношения в качестве кодифицированной нормы. В статье рассматриваются различные основания для принятия решения о рекомендации конкретного варианта произношения в качестве нормы: 1) соответствие внутреннему языковому закону; 2) соответствие культурно-исторической традиции; 3) распространенность варианта и статистика нормы; 4) общественное одобрение и признание социумом варианта нормативным. Как представляется, выявленные в звучащей речи образованных людей при проведении представительных и системных социолингвистических исследований варианты произношения должны быть обязательно учтены при выработке произносительных рекомендаций. Единственный аргумент, препятствующий приданию узальному варианту статуса кодифицированного, — нарушение внутриязыковых законов. Все остальные критерии: культурно-историческая традиция, авторитетность экспертов, речевые навыки и языковой вкус автора словаря и др. — имеют вторичный характер. Библиогр. 16 назв.

Ключевые слова: нормы произношения, варианты произносительных норм, орфоэпические словари, кодификация.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Maria L. Kalenchuk

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS

PRONUNCIATION NORMS THROUGH THE EYES OF A LEXICOGRAPHER

One of the most controversial issues of orthoepy is the criteria for making codification decisions in the case of coexistence of pronunciation variants. For the authors of dictionaries, this question is especially important, since its solution determines the logic and procedure for the transition from pronunciation in the sounding speech of educated people to a codified norm. There are two approaches that determine the decision-making algorithm for the transition from pronunciation in live speech to codification recommendations — subjective and objective. A subjective assessment of the facts of orthoepic variability is called the position of an unconditional idea of the normativity of a variant based on tradition, following authoritative samples and the personal taste of the author of recommendations. An objective assessment of orthoepic variants can only be the result of representative sociolinguistic studies of the *usus*, which were started on the material of the Russian language in the 1960s under the leadership of M. V. Panov. The definition of the methodology is inextricably linked with the question of choosing criteria for recommending one of the coexisting pronunciation variants as a codified norm. The article discusses various reasons for making a decision to recommend a specific pronunciation variant as the norm: 1) compliance with the internal language law; 2) compliance with the cultural and historical tradition; 3) the prevalence of the variant and the statistics of the norm; 4) public approval and recognition by society of the variant as normative. It seems that the pronunciation variants identified in the sounding speech of educated people during representative and systematic sociolinguistic studies should be taken into account when developing pronouncing recommendations. And the only argument that prevents the usual variant from being given the status of a codified one is a violation of intra-linguistic laws. All other criteria — cultural and historical tradition, the authority of experts, speech skills and language taste of the author of the dictionary, etc. have a secondary character. Refs 16.

Keywords: pronunciation norms, variants of pronunciation norms, orthoepic dictionaries, codification.

1. КРИТЕРИИ ПРИНЯТИЯ КОДИФИКАЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ

Один из наиболее спорных вопросов орфоэпии — о критериях принятия кодификационных решений в случае сосуществования вариантов произношения. Для авторов словарей этот вопрос особо важен, так как его решение предопределяет логику и процедуру перехода от произношения в живой речи к кодифицированной норме.

Существует два подхода, определяющих алгоритм принятия решения при переходе от узуальных норм к кодифицированным, их принято называть субъективным и объективным.

Субъективной оценкой фактов орфоэпической вариативности называют позицию безусловного представления о нормативности варианта, основанного на традиции, следовании авторитетным образцам и личном вкусе автора реко-

мендаций. А. М. Пешковский, критикуя такой подход, говорил о приоритете «литературно-языкового идеала»:

Первой и самой замечательной чертой его является поразительный консерватизм, равного которому мы не встречаем ни в какой другой области духа. Из всех идеалов это единственный, который лежит целиком позади. «Правильной» всегда представляется речь старших поколений, предшествовавших литературных школ. Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет [Пешковский 1959: 55].

Объективная оценка орфоэпических вариантов может быть только результатом социолингвистических исследований узуса, которые на материале русского языка были начаты в 60-е гг. XX столетия под руководством М. В. Панова.

Определение методологии — объективного или субъективного подхода к оценке произносительных вариантов — неразрывно связано с вопросом о выборе критериев для рекомендации одного из сосуществующих вариантов произношения в качестве кодифицированной нормы. Чаще всего в литературе называются такие основания, как соответствие внутренним законам развития языка, соответствие культурно-исторической традиции, распространенность варианта в речи образованных людей.

Оставим за пределами анализа некоторые предложения, которые, как кажется, не опираются на современные научные представления, например такие: следует рекомендовать тот вариант, который сближает произношение с письмом; тот, который методически удобен при преподавании русского языка иностранцам; тот, который соответствует младшей норме, так как за молодежью будущее; тот, который поддерживается большинством говоров, и др.

Рассмотрим особенности проявления указанных критериев, а также некоторых других, используемых при переходе от фиксации узуального употребления к кодификации.

2. СООТВЕТСТВИЕ ВНУТРЕННЕМУ ЯЗЫКОВОМУ ЗАКОНУ

Если зафиксированный в живой речи произносительный вариант нарушает какую-либо синхронно действующую в литературном языке закономерность, кодификатор его бракует. Так, никто не будет рекомендовать в качестве правильных произношений варианты *ду[б]*, *зе[р']кало*, *бл[о]кнóт*, *же[н]щина* и т. д. вместо *ду[п]*, *зе[р]кало*, *бл[а³]кнóт*, *же[н']щина*. На узуальном уровне подобные факты в речи образованных людей не фиксируются: они либо нарушают современные парадигматические и синтагматические законы звуковой системы русского литературного языка, либо являются фактами других языковых систем или других хронологических срезов.

Сложнее обстоит дело с оценкой инноваций, появляющихся в узуальном употреблении в рамках синхронной системы литературного языка в звуча-

щей речи людей, чьей орфоэпической компетенции можно доверять. Например, в последнее время достаточно широко распространилось произношение твердых [р] и [м] перед постфиксами *-те* и *-ся*: *прове́[р']те* вместо *прове́[р']те*, *познако́[м]ся* вместо *познако́[м']ся*. Такое произношение является результатом гиперкоррекции: носители языка по аналогии с явлением позиционной мягкости согласных начинают произносить мягкий согласный твердо в позиции перед мягким. Но твердые согласные в данном случае являются реализацией мягких фонем (это доказывается сильной по твердости–мягкости позицией конца слова — *прове́[р']*, *познако́[м']*), что противоречит фонологическому закону, согласно которому мягкие фонемы могут реализовываться только мягкими звуками, а твердые фонемы — и твердыми, и мягкими вариантами. Другой пример — регулярно фиксируемое в младшей норме произношение заимствованных слов со звонким согласным на конце — *ими*[дж], *па*[б], *бло*[г] и др., что противоречит одному из самых устойчивых законов русского произношения о невозможности употребления звонких согласных на конце слова перед паузой.

В приведенных примерах явно нарушаются языковые законы и правила, уже реализованные в звуковой системе. Но как решить: фонетическая «странность», выявленная в узуальном употреблении, — это наметившаяся новая тенденция или ошибка?

Как быть в таких случаях? Ведь произношение изменчиво: то, что вчера было устойчивым законом, может сегодня либо замениться на другую закономерность, либо вообще стать ненормативным. Кроме того, какие-то языковые факты, возможно, просто ранее не попадали в фокус внимания лингвистов и в связи с этим не были зафиксированы.

Так, например, один из самых сильных запретительных фонетических законов — два шумных согласных, различных по глухости-звонкости, не могут стоять рядом. Но относительно недавно Р.Ф. Касаткина доказала, что это не так и при определенных просодических условиях возможно соседство разных по наличию голоса согласных в пределах одной синтагмы: на стыке слов или на стыке основ сложного слова возможно сочетание глухого шумного со звонким, если первый компонент фразы просодически выделен сильнее, чем второй (*го*[зд] *блг*, но *гб*[зд] *блг* и *гб*[сд] *блг*) [Касаткина 2000]. То, что ранее воспринималось как ошибка, стало реализованной нормой, причем уже не только узуальной, но и кодифицированной [БОС 2012]. Лингвистам еще только предстоит разработать четкие алгоритмы принятия решений в подобных ситуациях.

3. СООТВЕТСТВИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Многие лингвисты, одобряя тот или иной вариант произношения, говорят о необходимости соблюдать культурно-историческую традицию. Так, М.В. Панов считал это главным аргументом при принятии решения о рекомендации того или иного произношения наряду с соблюдением внутреннего языкового закона

[Панов 1979: 203]. Но что именно имеется в виду в подобных случаях? Несмотря на общепринятость понятия «культурно-историческая традиция», его смысл по отношению к языку неясен. Как представляется, любой факт языка является результатом культурно-исторической традиции, а любое языковое изменение ведет к нарушению этой традиции.

Например, в слове *жюри* традиционная норма допускала произношение только с мягким первым звуком — [ж'ур'й]. В наше время распространилось произношение [жур'й], которое категорически запрещается почти всеми словарями и пособиями по культуре речи, несмотря на то что это изменение поддержано фонологически и широко распространено в речи (орфоэпический эксперимент показал, что 88 % носителей литературного языка, участвовавших в опросе, произносят [жур'й]).

Аналогично обстоит дело с ударением в слове *жалюзи*. Кодификаторы разрешают только вариант *жалюзй́*, ссылаясь на традиционно сохраняющееся в словах французского происхождения ударение на последнем слоге. Но, во-первых, в русском языке известны случаи, когда слова, пришедшие из французского языка, меняли финальное место ударения на другое, например, *а́дрес*, *дю́жина* и др. Во-вторых, даже в речи образованных людей, знающих о происхождении слова *жалюзи*, в подавляющем большинстве случаев в наше время, в противоречии с традицией, фиксируется ударение *жа́люзи*.

Можно было бы продолжить ряд примеров, по отношению к которым кодификаторам почему-то психологически трудно рекомендовать варианты, которые либо уже давно функционируют и преобладают в узусе (например, *укра́инский*), либо появились относительно недавно, но их позиции весьма прочны (например, *кулина́рия*, *мусороп́ровод*). Авторы словарей продолжают упорно поддерживать явно менее актуальные варианты (*украи́нский*, *кулина́рия*, *мусороп́ровод*).

Данью традиции является и кодификация места ударения в формах глагола *баловать* и *исчерпать*. Большинство словарей разрешает только следующее ударение в этих глаголах: *балова́ть*, *балу́ю*, *балу́ет* ! не рек. *ба́ловать*, *ба́лую*, *ба́лует* [ОС 1983: 35]; *исче́рпать*, *исче́рпаю*, *исче́рпает* ! не рек. *исчерпа́ть*, *исчерпа́ю*, *исчерпа́ет* [ОС 1983: 198]. Такие рекомендации основаны только на традиции и не поддержаны современным (и не только современным) узусом. Согласно опросу, в котором приняли участие 100 человек, носителей литературного произношения, *балова́ть* произнес 41 % респондентов, *ба́ловать* — 59%; *исче́рпать* — 36 %, *исчерпа́ть* — 64 %. Можно заметить, что кодификация в данном случае могла бы игнорировать данные о частотности новых акцентологических вариантов, если бы инновация противоречила какой-либо системной закономерности. Но это не так. Более того, указанные варианты, запрещаемые подавляющим большинством нормативных словарей, можно найти в произведениях известных поэтов, и фиксируются они уже давно: по данным НКРЯ, для глагола *баловать(ся)*, например, указанные «новые» варианты употребляются с конца XVIII в., для глагола *исчерпать* — с начала XX в.:

Нас время *бáлу*ет победами,
И вещи каждую минуту
Все сказочнее и неведомей
В зеленом зареве салюта. (Б. Л. Пастернак)

Я *исчерпáл* до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я, вождь земных царей и царь — Ассаргадон. (В. Я. Брюсов)

Некоторые авторы словарей в подобных случаях рассуждают удивительным образом. Так, И. Л. Резниченко в ситуациях, когда широко фиксируемые в узусе произношения противоречат традиционной норме, пишет, что, хотя подобные варианты встречаются не только в обыденной, но и в поэтической речи, это все же отступление от литературной нормы [Резниченко 2019]. Никаких объяснений такому решению он не приводит. Остается задаться вопросом: каким же образом определяется автором кодификационная рекомендация? Берется «по традиции» из ранее изданных словарей других авторов?

Необходимо отметить, что попытки запретить новый вариант произношения на основании необходимости соблюдать традицию обречены на провал, что не раз было доказано за последнее столетие.

4. РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ВАРИАНТА И СТАТИСТИКА НОРМЫ

В работах лингвистов, обсуждающих проблемы нормы, можно обнаружить резко противоположное отношение к возможности и необходимости использовать фактор распространенности варианта произношения при кодификации.

Одни ученые считают, что именно регулярное употребление в звучащей речи образованных людей позволяет кодифицировать узуальный вариант произношения. «Главный и единственный авторитет в языке — это обычай, употребление» [Шахматов 1899: 30]. Л. Андерсен, который определяет норму как набор правил, возникающих в результате изучения употребления, пишет: «Употребление и норма в основном идентичны, и норма может быть изучена путем исследования использования» [Andersen 1996: 140, 142]. О. А. Лаптева, которая рассматривает количественный материал как объективный, указывает, что нормы возникают из коллективного языкового сознания, стабилизируются как следствие индивидуальной речи, и, следовательно, все, что закрепляется в языке, является нормативным [Лаптева 1990: 44–48].

Одним из самых ярых сторонников применения статистических данных при установлении нормы является Л. К. Граудина: «Статистические показатели должны использоваться в качестве объективных выразителей употребительности, распространенности языковых единиц» [Граудина 1980: 63]. Л. К. Граудина считает, что для кодификации могут быть установлены строгие ограничения: если использование формы превышает заранее определенный процент, то эта форма

должна и может быть кодифицирована как нормативная [Граудина 1980: 70–71]. Однако существуют некоторые оговорки в отношении метода, основанного только на частотности того или иного языкового варианта: применение статистической процедуры при переходе от узуальных норм к кодифицированным должно сопровождаться дополнительными исследованиями и выявлением иных, кроме статистических, аргументов для принятия решения [Граудина 1980: 68–69, 96]. В. Л. Воронцова также рассматривает статистику лишь как часть информации, которая должна приниматься во внимание кодификатором [Воронцова 1977: 224]. В. А. Ицкович не считает фактор распространенности достаточным условием для признания варианта годным для кодификации: использование или неиспользование является важным критерием для определения того, что является нормой, хотя не все, что широко используется, является нормой, но если что-то не используется, это не может быть нормой [Ицкович 1968: 25].

Многие авторы высказывали возражения против самой идеи использования фактора частотности употребления как критерия нормативности и противопоставляли понятие распространенности варианта норме как таковой. Так, например, С. М. Кузьмина резко отзывалась о применении статистических методов при принятии решений о кодификации: «...описательно-констатирующий, равнодушный подход при описании произносительной стороны литературного языка недостаточен и даже неуместен» [Кузьмина 2010: 42]. В этом эмоционально-оценочном заключении напрочь отсутствует аргументация. Почему научно-объективная констатация факта употребления свидетельствует о равнодушном отношении к описанию языка?

Достаточно скептически относился к использованию критерия распространенности вариантов произношения и М. В. Панов. Им была предложена иерархическая схема «веса» того или иного фактора при принятии кодификационного решения [Панов 2004: 478]. Согласно этой шкале распространенность звукового варианта занимает лишь третье место из четырех, при этом условные индексы, символизирующие относительную значимость разных критериев следующие: отвечает традиции — 20, соответствует объективным законам развития языка — 8, распространенность — 8, соответствует орфографии — 5. М. В. Панов неоднократно говорил о том, что важнейшие основания для принятия решения о рекомендации варианта произношения — соответствие культурно-историческим традициям и внутренним законам развития языка. При этом он замечал: «Но они друг другу противоречат! Законы развития языка говорят о том, что в языке постоянно появляются... произносительные новшества. Однако литературный язык должен сохранять на протяжении многих поколений свое единство» [Панов 1979: 203]. Продолжая это рассуждение, Панов указывал, что это противоречие снято (или смягчено) в самой жизни языка, так как устаревающие нормы используются системой для особых фонетических подсистем — на сцене, в радиопередачах и т. д. С этим объяснением невозможно согласиться. Тот факт, что уходящие нормы получают новую функциональную нагрузку, никак не позволяет примирить традиции и инновации. Решение о правильности или неправиль-

ности того или иного варианта произношения принимается в рамках основной системы, а не для частных подсистем, живущих по своим фонетическим законам.

В отдельных случаях лингвисты начинают противопоставлять узусальную распространенность и кодификацию. Так, А. Д. Шмелев пишет:

Однако в последнее время от некоторых лингвистов поступают предложения отказаться от ориентации на словари и справочники и считать, что в основе понятия нормы лежит статистика: норма — это то, как говорят или понимают языковые выражения большинство носителей языка. При таком подходе словом «норма» обозначается то, что лингвисты обычно называют узусом, а в качестве замены термину «норма» используется понятие правильности [Шмелев 2014: 217–218].

Как представляется, в этом высказывании происходит определенная подмена: лингвисты, предлагающие использовать объективные данные о распространенности конкретных вариантов в узусе образованных людей, не отрицают необходимости обращения к словарям, а предлагают использовать статистические данные при составлении этих самых словарей.

В качестве примера действия фактора распространенности рассмотрим вопрос о месте ударения в личных формах глаголов на *-ить*. В современном русском языке существует тенденция перехода глаголов на *-ить* от акцентного типа *b* к акцентному типу *c*, происходит замена неподвижного ударения на окончании подвижным ударением. В связи с тем, что процесс замены неподвижного ударения на подвижное начался для разных слов в разное время и проходил с разной скоростью, анализируемый участок системы устроен крайне сложно, что проявляется в противоречивости лексикографических рекомендаций.

Так, например, ОС как равноправные варианты предлагает *волóчит* и *волочít*, *горóдит* и *городít*, *дóбит* и *доít*; неравноправные с пометой *доп.*, то есть менее предпочтительные, но находящиеся в пределах нормы — новые варианты *ввínтит*, *всéлит*, *мíрит*, *посéлит*, *помéстит*; в других случаях с пометой *доп.* даются старые варианты — *солít*; с пометой *доп. устар.* — *белít*, *дарít*, *дружít*; в некоторых случаях новые варианты снабжаются запретительными пометами, но разной степени строгости — с пометой *не рек.* даются новые варианты *глу́шит*, *заглу́шит*, *мóрит*, *звóнит*; с пометой *неправ.* — *вклю́чит*. Каким образом авторы словаря принимают решение о том или ином нормативном статусе варианта, понимая, что происходящее у нас на глазах изменение места ударения в рассматриваемой группе слов отвечает закономерной языковой тенденции, а не является случайностью? С. К. Пожарицкая, обсуждая сложившуюся кодификационную практику, пишет: «На вопрос, почему говорить *сóлит* — это хорошо, *мíрит* — не вполне хорошо, *звóнит* — плохо, а *вклучит* — категорически нельзя, никакого аргументированного ответа не существует. Эти пометы даются только на основании интуиции эксперта» [Пожарицкая 2004]. Действительно, аргументированного ответа не существует в логике авторов многих словарей. Но он мог бы существовать, поскольку имеется такой инструмент полу-

чения информации, как статистически представительное социолингвистическое обследование, которое позволяет зафиксировать, на каком именно этапе движения от неподвижного удара к подвижному находится каждый конкретный глагол на *-ить*.

Социолингвистика как самостоятельное направление русистики сформировалась у нас в стране в 60–70-е гг. XX в., когда под руководством М. В. Панова была реализована масштабная программа сбора социолингвистической информации, результаты которой были воплощены в двух монографиях — «Русский язык и советское общество» под ред. М. В. Панова и «Русский язык по данным массового обследования» под ред. Л. П. Крысина. Социолингвистика изучает, «какие стороны языка обнаруживаются в его социальной жизни, в распределении его вариантов среди разных слоев населения. Социологическое исследование требует массового обследования» [Панов (ред.) 1979: 207]. Ученые, проводившие эту работу, не только разработали методологию подобных исследований, но и собрали богатейший фактический материал, который мог бы послужить надежной опорой для кодификации языковых норм. Но этого не произошло: для разных уровней языка, в том числе и для фонетики, во многих случаях был обнаружен серьезный разрыв между живыми нормами произношения и их кодификацией. Казалось бы, собранный представительный фактический материал о реализации узуальных норм должен был повлечь за собой корректировку многих словарных рекомендаций, но авторы словарей в большинстве случаев проигнорировали полученные группой под руководством М. В. Панова статистические данные.

Проиллюстрируем это несколькими конкретными примерами, хотя их можно было привести намного больше.

Слова *бухгалтер* и *бюстгальтер* традиционно произносились со звуком [ɣ] — *бу[ɣ]áлтер*, *бюст[ɣ]áльтер*. Произношение всего в нескольких знаменательных словах фрикативного [ɣ] в позиции перед гласным нарушало правила русского произношения и служило маркером заимствованного характера этих слов. По данным социолингвистического обследования, проводившегося более полувека назад [РЯиСО: 123], в речи старшего поколения фрикативный согласный был зафиксирован в 36 % всех случаев, взрывной — в 64 %; в речи младшего поколения — 34 и 66 % соответственно. Но ни один орфоэпический словарь не отразил в качестве возможного варианта новое произношение с взрывным звуком, несмотря на то что так произносили две трети респондентов. Почему? Может быть, эта инновация противоречила какой-нибудь внутренней тенденции звукового строя русского языка? Наоборот — естественный процесс русификации привел к замене «чужой» для русского литературного языка фонемы <ɣ> на русскую <г>, фонетическая «странность» заменяется на привычную реализацию. В настоящее время, по данным представительных обследований звучащей речи людей, чьей орфоэпической компетенции можно доверять, выяснено, что 66 % респондентов произносят *бу[г]áлтер* и 96 % — *бюст[г]áльтер* со взрывным согласным звуком, а не со щелевым. Но в современных словарях, по крайней мере

в некоторых из них, этот факт признается по отношению к слову *бюстгальтер* и по-прежнему игнорируется для слова *бухгалтер*.

В вопросниках по произношению в рамках социолингвистических исследований 1960-х гг. проверялось соотношение звуков [ш:] и [ш'ч'] в позиции внутри морфемы и на стыке морфем. Для позиции стыка морфем было зафиксировано для трех возрастных групп сосуществование этих вариантов, при этом в младшей группе респондентов явно преобладал вариант [ш'ч'], например, в слове *расчищать* это сочетание было зафиксировано у представителей старшей и средней возрастной группы в 58 % случаев и в 73 % — у младшей. Казалось бы, указанная частотность звуков должна вызвать у кодификаторов потребность отразить наличие в данном случае произносительных вариантов. Но этого не произошло. Авторы ОС для всех слов с подобной структурой разрешают только один вариант — *бе[ш'ч']еловéчный*, *ра[ш'ч']ищáть* и т. д. Почему не принят во внимание факт широкого распространения варианта [ш:]? Потому что в основу принятия кодификационного решения положена теоретическая идея о противопоставлении реализации внутри морфем и на их границах, что позволило бы маркировать морфемные швы (*и[ш:]ú*, но *ра[ш'ч']úстить*). То, что узуальные нормы явно не поддерживали это распределение, не смущало лингвистов. В более поздних социолингвистических исследованиях [Каленчук 1993] было продемонстрировано дальнейшее вытеснение варианта [ш'ч'] вариантом [ш:] (а не наоборот, как считал М. В. Панов), что позволило внести коррективы в произносительные рекомендации. Например, *ра[ш:]úстить* и допуст. *ра[ш'ч']úстить* [БОС 2012: 686]. Этот фонетический сюжет позволяет продемонстрировать, как именно узуальные нормы определяют (и должны определять) нормы кодификационные.

5. ОБЩЕСТВЕННОЕ ОДОБРЕНИЕ И ПРИЗНАНИЕ СОЦИУМОМ ВАРИАНТА НОРМАТИВНЫМ

В современной общественной и языковой ситуации в процессе перехода от узуальных норм к кодифицированным приходится учитывать факторы, которые не были значимыми на предыдущих этапах. Так, можно привести ряд примеров, в которых какой-либо новый вариант произношения широко распространен и полностью соответствует внутренней языковой тенденции, а общество этот вариант отвергает: «...решающее значение в этом случае имеют не столько рекомендации специалистов — авторов словарей, сколько реакция социума — негативное отношение к одному из вариантов. А реакции членов социума характеризуются тем, что некоторые нарушения нормативности не замечаются вовсе, а те, которые фиксируются, вызывают обычно преувеличенно бурную отрицательную реакцию» [Пожирицкая 2004].

Примером такого рода «неадекватной» реакции общественного мнения является вопрос о месте ударения в формах глагола *звонить*, которым многие приписывают роль «лакмусовой бумажки» при определении степени владения культурой речи. При этом одни глаголы на *-ить* уже завершили процесс акцен-

тологического изменения (*варить, катить, привозить*), в других процесс далек от завершения, что проявляется в сосуществовании акцентных дублетов, между которыми могут быть как равноправные, так и неравноправные отношения (см. выше п. 4). Но внимание общества искусственно сфокусировано на месте ударения только в глаголе *звонить*. При этом оказывается, что «борьба за правильное литературное произношение часто превращается в попытки затормозить этот процесс, и изредка это удается: так, например, ударение на основе в личных формах глагола *звонить* (*звóнишь, звóнит, звóним, звóните, звóнят*) в настоящее время благодаря усилиям радетелей чистоты русского языка приобрело одиозный характер как показатель неинтеллигентности, плохого владения русским языком» [Пожарицкая 2004].

Думается, что в подобных случаях при условии широкого распространения нового варианта и его соответствия тенденциям языкового развития кодификатор должен игнорировать искусственно сформированное мнение социума, пользуясь возможностью влиять через словари на это мнение.

Как представляется, выявленные в звучащей речи образованных людей при проведении представительных и системных социолингвистических исследований варианты произношения должны быть обязательно учтены при выработке произносительных рекомендаций. «Нормативные рекомендации в словарях должны опираться на реальную речевую практику образованных людей, а не на представления авторов о том, что правильно и что неправильно в звучащей речи» [Каленчук 2016: 269]. Единственный аргумент, препятствующий приданию узуальному варианту статуса кодифицированного, — нарушение внутриязыковых законов. Все остальные критерии: культурно-историческая традиция, авторитетность экспертов, речевые навыки и языковой вкус автора словаря и др. — имеют вторичный характер.

Словари и справочники

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012.

Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-Пресс Школа, 2019.

Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983.

Литература

Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М.: Наука, 1977.

Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М.: Наука, 1980.

Ицкович В. А. Языковая норма. М.: Просвещение, 1968.

- Каленчук М. Л. Нормы произношения в живой речи и в словарях // Труды Отделения историко-филологических наук. М.: Наука, 2016. С. 262–270.
- Каленчук М. Л. Орфоэпическая система русского литературного языка: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993.
- Касаткина Р. Ф. Об изменениях в просодической системе русского литературного языка в последнее десятилетие // Слово в тексте и словаре: сборник статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна / отв. ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 145–152.
- Кузьмина С. М. Нормативная фонетика и современная произносительная практика // Русский язык сегодня. М.: ЯСК, 2010. С. 31–46.
- Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Сегад, 1990.
- Панов М. В. Современный русский язык: Фонетика. М.: Высшая школа, 1979.
- Панов М. В. О русской орфоэпии // М. В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 467–479.
- Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959.
- Пожарицкая С. К. Орфоэпия: идеи и практика // Язык и речь: проблемы и решения. Сборник научных трудов к юбилею профессора Л. В. Златоустовой. М., 2004. С. 231–238.
- Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Кн. 1 / под ред. М. В. Панова. М., 1968.
- Шахматов А. А. Несколько слов по поводу записки И. Х. Пахмана // План нового Академического словаря с точки зрения иноязычного. Записка И. Х. Пахмана. ОРЯС ИАН LXVII (1), 1899. С. 29–34.
- Шмелев А. Д. Распространенная ошибка или новая норма: как отличить одно от другого? // Отечественные записки. 2014. № 3. С. 217–221.
- Andersen L. *Russisk lingvistisk terminologi: ordbog*. Copenhagen: Akademisk Forlag, 1996.

References

- Andersen L. *Russisk lingvistisk terminologi: ordbog*. Copenhagen, Akademisk Forlag, 1996.
- Graudina L. K. *Questions of normalization of the Russian language. Grammar and variants*. Moscow, Nauka Publ., 1980. (In Russian)
- Itskovich V. A. *Language norm*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. (In Russian)
- Kalenchuk M. L. *The orthoepic system of the Russian literary language*. PhD thesis. Moscow, 1993. (In Russian)
- Kalenchuk M. L. Pronunciation norms in live speech and in dictionaries. *Trudy Otdeleniia istoriko-filologicheskikh nauk*. Moscow, Nauka Publ., 2015, pp. 262–270. (In Russian)
- Kasatkina R. F. About the changes in the prosodic system of the Russian literary language in the last decade. *Slovo v tekste i slovare: sbornik statei k 70-letiiu akademika Iu. D. Apresiana* / (Eds) L. L. Iomdin, L. P. Krysin. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2000, pp. 145–152. (In Russian)
- Kuz'mina S. M. Normative phonetics and modern pronunciation practice. *Russkii iazyk segodnia*. Moscow, IaSK Publ., 2010, pp. 31–46. (In Russian)
- Lapteva O. A. *Live Russian speech from the TV screen*. Seгаd, 1990. (In Russian)
- Panov M. V. *Modern Russian language: Phonetics*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1979. (In Russian)
- Panov. M. V. About Russian orthoepy. M. V. Panov. *Trudy po obshchemu iazykoznaniiu i russkomu iazyku*. Vol. 1. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 467–479. (In Russian)
- Peshkovskii A. M. *Selected works*. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. (In Russian)

- Pozharitskaya S. K. Orthoepy: ideas and practice. *Iazyk i rech': problemy i resheniia. Sbornik nauchnykh trudov k iubileiu professora L. V. Zlatoustovoi*. Moscow, 2004, pp. 231–238. (In Russian)
- Shakhmatov A. A. A few words about the note by I. H. Pakhman. *Plan novogo Akademicheskogo slovaria s točki zreniia inoiazychnogo. Zapiska I. Kh. Pakhmana*. ORYaS IAN LXVII (1), 1899, pp. 29–34. (In Russian)
- Shmelev A. D. A common mistake or a new norm: how to distinguish one from another? *Otechestvennye zapiski*, 2014, no. 3, pp. 217–221. (In Russian)
- The Russian language and Soviet society. Socio-linguistic research*. Vol. 1. Ed. by M. V. Panova. Moscow, 1968. (In Russian)
- Vorontsova V. L. *Russian literary accent of the 18th–20th centuries. Forms of inflection*. Moscow, Nauka Publ., 1977. (In Russian)

Сведения об авторе

Каленчук Мария Леонидовна

Доктор филологических наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Волхонка, дом 18/2

Maria L. Kalenchuk

Dr. Sci. in Philology

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS

18/2, Volkhonka st., Moscow, 119019, Russian Federation

E-mail: ruslang@ruslang.ru; mkalenchuk@yandex.ru

SPIN-код: 1830-9070

Author ID (Russian Citation Index): 153329

Researcher ID: C-0000-0001-8245-0483